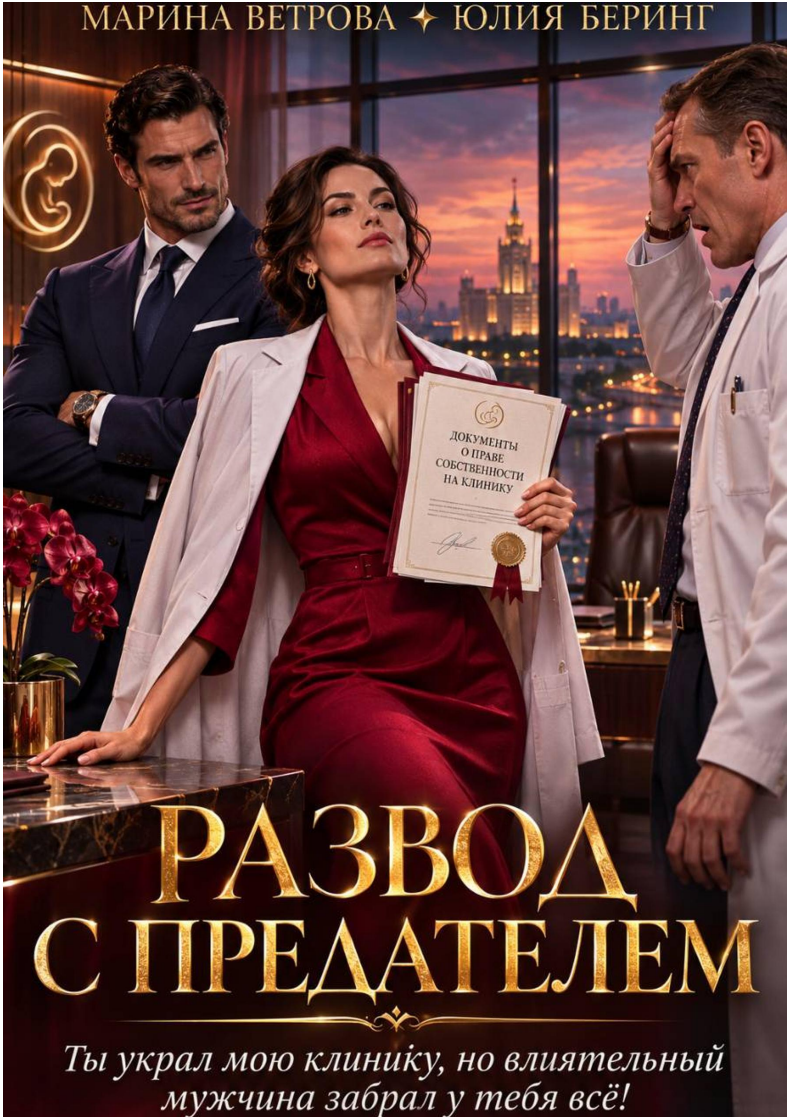

МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЮЛИЯ БЕРИНГ
ДОКУМЕНТЫ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА КЛИНИКУ
РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты украл мою клинику, но влиятельный мужчина забрал у тебя всё!

Марина Ветрова
Юлия Беринг

Развод с предателем. Ты украл мою клинику, но влиятельный мужчина забрал у тебя всё!

https://litres.ru/74716644
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж изменил мне с лучшей подругой. Пока я оплакивала потерянного ребёнка, они делили нашу клинику, а потом попытались отобрать у меня дочь.

Дмитрий выставил меня за дверь, лишил работы и уверенно ждал, когда я сдамся. Но он забыл: я не только его жена. Я генетик, совладелица и мать, готовая сражаться за Соню до конца.

Влиятельный инвестор Артур предлагает помощь, от которой невозможно отказаться. Вот только его собственные условия пугают не меньше угроз бывшего мужа.

Мне предстоит разоблачить предателей, вернуть клинику и решить, можно ли доверить сердце мужчине, привыкшему управлять чужими судьбами. И снова стать счастливой. На этот раз по-настоящему свободной.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 21
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Марина Ветрова, Юлия Беринг Развод с предателем. Ты украл мою клинику, но влиятельный мужчина забрал у тебя всё!

Глава 1

Запах стерильного хлора и дорогого кофе — вот что значит «дом» для меня. Клиника «Генезис». Три года я выстраивала здесь работу уже как совладелица: от расписания смен до новых протоколов ЭКО. Сегодня на утренней планерке предстояло наконец представить их коллегам. По дороге перебирала вопросы, которые они зададут, и свои ответы. Под подошвами туфель пружинил привычный линолеум. Надо закончить вовремя, чтобы успеть забрать Соню из школы. Она обещала мне нарисовать кота с крыльями.

Мой кабинет. Дверь с матовым стеклом и золотистой табличкой «Воронцова А.С., совладелец, генетик». Я приложи-

ла ладонь к считывателю. Ничего. Красный индикатор мигнул дважды. Снова приложила. Тот же холодный отказ. Замки сменили код? Это невозможно. Биометрия привязана к моему отпечатку, а доступ есть только у администратора... и у Дмитрия.

— Алиса?

По этой ласковой интонации я узнала Марину Ковалёву. Ещё в универе она так утешала меня перед экзаменами. Сейчас от её заботливого голоса почему-то стало не по себе. Я обернулась. Из-за угла, опираясь рукой о стену, вышла моя лучшая подруга. Живот у неё уже заметно округлился — срок был большой, месяцев шесть, не меньше. Она поглаживала его кончиками пальцев. Я смотрела на эту руку и пыталась вспомнить, когда в последний раз видела Марину без свободного пиджака.

— Ты чего тут торчишь? — спросила я, пытаясь улыбнуться, хотя пальцы сами собой сжались в кулаки.

— Дмитрий просил освободить место для «семейного совета», — сказала она. Я переспросила бы, но Марина уже потянулась к замку. — Он внутри. Пойдем, он тебя ждет.

«Семейный совет»? В мой рабочий день? Мысль была абсурдной, но тело Марины, её спокойствие, её взгляд, скользнувший по моему лицу без тени вины, вызвали у меня мгновенную волну паники. Марина приложила палец к считывателю. Загорелся зеленый огонек. Я толкнула дверь плечом. Она открылась — для неё.

Внутри было непривычно тихо. И слишком чисто. На моем столе, заваленном обычно папками и пробирками, лежала лишь одна тонкая папка. У окна стоял Дмитрий. Его спина была прямой, костюм сидел идеально — темно-синий, с легкой блестящей нитью. Он смотрел на Москву внизу и не обернулся даже на звук открывшейся двери.

— Дима, у нас через десять минут планерка, — начала я, входя в комнату. Воздух казался густым, липким. — Почему замок не пропускает меня?

Он не повернулся. Только чуть скосил глаза, глядя на отражение в стекле.

— Секретарь, — бросил он в интерком, игнорируя меня так, будто я была частью мебели. — Принеси еще воды для госпожи Ковалёвой. Ей вредно волноваться.

Марина вошла следом за мной и закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Дмитрий развернулся. Он смотрел прямо на меня и молчал. Обычно я сама заполняла такие паузы: объясняла, извинялась, спрашивала, что случилось. Он шагнул к Марине, положил руки ей на плечи и задержал взгляд на мне, пока она устраивалась рядом с ним. Она вздохнула и прислонилась спиной к его груди. Они смотрели на меня вдвоем. Пара. Семья. Чужие люди в моей жизни.

— Объясни, что происходит, — голос дрогнул, и я ненавидела себя за это. Я прочистила горло. Не хватало ещё, чтобы они услышали, как мне страшно.

Дмитрий медленно снял очки, протер их платком. Медленно. Мучительно медленно.

— Отчеты больше не твоя проблема, Алиса, — произнес он ровным тоном. — Твоя проблема — то, что ты ничего не знаешь.

Я рассмеялась. Глупо, истерично. Вытащила планшет из сумки, чтобы показать ему исправленные цифры квартальной отчетности, над которыми я не спала двое суток. Мои руки дрожали, но я сунула устройство ему в лицо.

— Вот, посмотри, ошибка в графе «расходные материалы»...

Дмитрий забрал планшет. Его пальцы коснулись экрана, и он выключил его одним движением большого пальца. Черный дисплей отразил моё бледное лицо. Он швырнул планшет обратно на стол. Звук удара пластика о дерево был громче, чем нужно.

— Ты смеешься? — спросил он, подходя ближе. Запах его одеколона, который я любила десять лет, теперь вызывал тошноту. — Или ты действительно думаешь, что твои ночные бдения имеют какое-то значение для людей, которые владеют этим бизнесом?

— Владеют? — переспросила я. Слово казалось инородным телом во рту. — Мы совладельцы. 50 на 50.

Дмитрий взял со стола конверт. Белый, плотный, без марки. Бросил его ко мне. Конверт соскользнул по полированной поверхности и остановился у края.

— Подпиши. Здесь развод. Соглашение о разделе имущества. И приказ об увольнении генетика Воронцовой с формулировкой «за профессиональную непригодность». Подписанный главным врачом клиники, то есть мной.

Я прижала конверт к столу, но вскрыть не смогла. Подпиши развод. Подпиши своё увольнение. Дима произнёс это тем же тоном, каким просил передать соль за ужином.

— Это шутка? Дима, это несмешно. Верни ключи от серверной. Мне нужно войти в бухгалтерию.

— Нет нужды, — сказал он, садясь в мое кресло. Кресло скрипнуло. Я сама выбирала его, мерила высоту подлокотников, потому что подолгу работала за столом. Теперь Дмитрий откинулся в нём и закинул ногу на ногу. — Все активы переведены. Клиника, оборудование, патенты — всё оформлено на Марину. Как единственного владельца доли, которая раньше была твоей.

Марина поправила волосы, не глядя на меня, и снова погладила живот. Ни вопроса, ни возражения. Ей уже всё объяснили, пока я готовила утреннюю планерку.

— Ты не можешь просто забрать всё! — крик вырвался сам собой, резкий, неконтролируемый. — Это кража! Я буду судиться!

— Судиться? — Дмитрий усмехнулся, уголками губ. — С кем, Алиса? С юристом, которого наняла сама?

В этот момент в дверь постучали. Два коротких удара, осторожных, будто посетитель боялся помешать. Вошел

Игорь Петрович, наш главный юрист. Человек, которому я доверяла больше всех, кроме Дмитрия. Три года назад я лично подписывала ему договор о неразглашении и конфиденциальности.

Игорь Петрович не посмотрел на меня. Его глаза были прикованы к полу, к носкам своих дорогих ботинок. Он молча протянул Дмитрию папку с документами.

— Все готово, Дмитрий Александрович, — буркнул он так тихо, что мне пришлось прислушаться. Ко мне он так и не повернулся.

Дмитрий взял папку, не открывая.

— Видишь, Алиса? Даже те, кого ты считала союзниками, понимают реальность.

Я сделала шаг к столу, чтобы схватить свои документы, чтобы хоть что-то удержать в руках. Но Марина перехватила мою руку. Мягко. Настойчиво. Ее пальцы были теплыми, влажными. Она потянула меня назад, ближе к себе, и зашептала мне в ухо, так, чтобы Дмитрий не услышал, но чтобы я почувствовала каждое слово кожей:

— Не устраивай скандал, милая. Если ты сейчас закричишь, если проявишь агрессию... Дмитрий активирует пункт договора о твоей «неустойчивой психике». Помнишь, после той потери год назад? Ты лежала в клинике две недели. Он может подать ходатайство в опеку. Ограничить твой доступ к Соне. Ради ее безопасности.

Я перестала тянуть руку к документам. Соня. Моя малень-

кая девочка, которая рисует котов с крыльями. В больнице я боялась, что так и не смогу перестать плакать. Марина сидела рядом, держала меня за руку. А теперь пересказывала те две недели так, будто меня опасно оставлять с дочерью.

— Ты не посмеешь, — прошептала я, вырывая руку.

— Посмотрим, кто посмеет, — ответил Дмитрий, открывая папку. — Вопросы?

Я посмотрела на Марину, потом на Дмитрия. Игорь Петрович отступил к двери. Все трое стояли в моём кабинете и ждали только одного: чтобы я подписала бумаги и ушла.

— Когда? — спросила я. Голос был тихим, мертвым. — Когда вы решили всё это?

Дмитрий поднял глаза. В них не было ни капли раскаяния. Только расчет.

— Решение было принято давно, Алиса. Еще до того, как ты потеряла ребенка.

Марина достала телефон. Разблокировала экран и повернула его ко мне. На фото было УЗИ. Два плода. Дата съемки: три месяца назад. А я до этой минуты думала, что мы с Мариной пережили мою потерю вместе. Слышала её «держись, милая» и верила.

Я чувствовала, как пол уходит из-под ног. Он сам сказал: всё решили ещё до моей потери. Не просто изменяли. Планировали. Я пыталась вспомнить, когда они успели всё оформить. В те недели я едва могла заставить себя встать с кровати. До отчётов и документов мне тогда дела не было.

Пока я рыдала в подушку, они делили мои активы. А потом Марина забеременела — и теперь показывала мне УЗИ с такой гордостью.

— Вы мерзавцы, — сказала я. Но слова звучали глухо, как из-под толщи воды.

Дмитрий махнул рукой, указывая на дверь.

— Уходи. Охрана проводит. И не забудь забрать личные вещи из раздевалки. Через час там будут другие сотрудники.

Я попятилась к выходу. Ноги не слушались. В голове гудело. Я видела, как Марина снова прижалась к Дмитрию, как он обнял её за талию, обсуждая что-то шепотом. Их смех долетел до меня, легкий, воздушный, беззаботный. Они говорили о цвете детской кроватки. О том, какая ткань лучше подойдет для первого комплекта белья.

За дверью коридор показался бесконечно длинным. Подошвы цеплялись за линолеум. Я шла вдоль стены, боясь упасть на глазах у сотрудников. Надо было дойти до лифта. До раздевалки. Забрать вещи. На большее меня сейчас не хватало.

В кармане белого халата завибрировал телефон. Номер неизвестен. Я остановилась у лифта, дрожащими пальцами доставая аппарат. Экран вспыхнул белым светом. Одно сообщение. Одно слово.

«Следуй».

Отправитель не представился. После всего, что прозвучало в кабинете, это слово заставило меня остановиться. Кто

его прислал? Кто-то видел, что произошло? Я ещё раз посмотрела на номер: ни имени, ни объяснения, куда следовать. Помощь? Приказ? Телефон остался у меня в руке. Но с места я не сдвинулась.

Глава 2

Зал заседаний пах пылью и казенной краской. Я устроилась на скрипучем деревянном стуле, чувствуя, как холодный пот стекает по спине под тонкой блузкой. Мой адвокат, нанятый за последние деньги тети Веры, расправил манжету и придвинул ко мне открытую папку.

— Договор сверху. Когда спросит про жильё, отдайте его. И не спорьте с Соколовым — отвечайте судье.

Я кивнула, хотя смотрела только на Дмитрия. Напротив, в безупречном костюме цвета слоновой кости, он гладил живот Марины, которая сидела рядом, сияя улыбкой победительницы.

— Суд требует от ответчицы предоставить доказательства наличия стабильного жилья, — голос судьи был сухим, как пергамент. — В документах указано выселение из совместной собственности. Где живет ребенок?

Подняла глаза на судью и разжала пальцы, чтобы вынуть договор из папки. Бумага помялась у меня в руках.

— У меня есть договор аренды комнаты у моей тети, — произнесла я четко, протягивая бумагу секретарю. — Это безопасное место. Соня знает этот дом с рождения.

Адвокат Дмитрия, молодой щеголь с галстуком-бабочкой, даже не встал. Он лишь хмыкнул, листая мой документ.

— Ваша честь, позвольте уточнить адрес. Коммуналка на

окраине, три хозяина на одной кухне. Санитарные нормы нарушены: плесень в ванной, грызуны в подвале. Шум от близкой трассы превышает допустимый ночной уровень. Называть это «стабильным жильем» — цинизм. Ребенку нужна тишина и гигиена, а не выживание в антисанитарии.

— Ваша честь, к этим заявлениям приложен акт обследования? — Мой адвокат поднялся. Манжета опять зацепилась за край папки; он дёрнул руку и продолжил: — Нам такого документа не предоставили. Прошу не принимать слова о плесени и грызунах как установленный факт. Мы готовы представить комнату для осмотра.

— Ходатайство приобщите письменно. Продолжим, — сказал судья, не подняв головы.

Адвокат остался стоять ещё на секунду. Потом сел и записал что-то на отдельном листе. Мое сердце пропустило удар. Про комнату уже сказали вслух, а наш ответ теперь требовалось написать и положить в папку.

— Вызываю свидетеля защиты, — объявил Дмитрий. Его голос звучал мягко, почти сочувственно. — Валентина Ивановна, няня Сони.

Старая женщина вошла, опираясь на трость. Она с трудом поднялась на место для свидетелей. Я подалась вперёд: Валентина Ивановна знала Соню, знала наш дом. Ей-то незачем было врать.

— Валентина, расскажите суду, как изменилась атмосфера в доме после ухода Алисы из клиники, — спросил адво-

кат.

Няня замешкалась, глядя на свои руки. Потом всхлипнула.

— Стало страшно... Алиса стала нервной. Кричит на Соню, если та отказывается от супа. Швыряет тарелки. Девочка плачет каждую ночь. Она боится мамы.

Судья перестал писать и посмотрел на меня. Даже мой адвокат отпустил манжету. Я открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. «Это ложь». Соня любит суп. Соня никогда не боялась меня. Но вид старухи, дрожащей от «страха», действовал сильнее любых фактов.

— Протестую! Это клевета! — крикнула я, вскакивая. Стул заскрежетал по полу.

— Ответчица, садитесь! — стукнул молотком судья. — Ваша эмоциональная нестабильность подтверждает показания свидетеля. Просьба соблюдать порядок.

Я рухнула обратно. Щеки горели; хотелось заслонить лицо папкой, но судья всё ещё смотрел на меня. Пришлось положить её на колени.

Сбоку, в третьем ряду, сидел Артур Гельман. Независимый эксперт по корпоративному спору, который почему-то решил присутствовать здесь лично. Он сидел неподвижно и смотрел на Дмитрия. Когда пристав проходил мимо, Артур пересел ближе, наклонился вперед и передал мне сложенный листок бумаги. Я развернула его под столом. Одна фраза, написанная жестким почерком: «Не оправдывайся. Нападай».

Мои пальцы смяли бумажку. «Нападать?» Как? У меня нет ни денег на хороших юристов, ни поддержки коллектива, ни собственного голоса. Если я начну орать, они скажут, что я сумасшедшая. Если буду молчать, они съедят меня живьем. Листок я спрятала под договор. Нет, ещё одного крика судья мне не простит. Попробую объяснить ему всё по порядку. Я выпрямила спину, сцепила руки в замок, чтобы скрыть дрожь.

— Можно мне ответить? У тёти отдельная комната. Соня там ночевала, у неё есть своё место. Я буду забирать её из школы, как забирала раньше. Если вы пока не разрешаете жить со мной, дайте хотя бы видеться. После уроков, по выходным. Пусть при няне, если вам так спокойнее. Но она должна знать, что мама не исчезла.

Дмитрий склонился к своему адвокату. Тот выждал, пока я вдохну.

— А на что вы будете содержать ребёнка? Вы уволены за профессиональную непригодность.

— Увольнение я оспорю. Работу найду, у меня специальность. Сейчас мне помогает тётя. Это не значит, что Соню нужно от меня прятать.

— То есть самостоятельного дохода у вас нет. А заключение о состоянии вашего здоровья после госпитализации?

— Я потеряла беременность. Мне было плохо. Соня в то время оставалась с отцом и няней, я не заставляла её смотреть, как мне плохо. Почему теперь это значит, что я опасна

для неё?

Мой адвокат коснулся папки, привлекая моё внимание, и встал.

— Прошу дать доверительнице закончить ответ. И хочу уточнить показания свидетеля: когда именно она видела, как мать бросала тарелки? После выселения Алиса Сергеевна с ребёнком не проживает.

Няня втянула голову в плечи.

— Я не помню число. Такое нельзя забыть, а число... Я пожилая женщина.

— Тогда хотя бы до выселения или после? Сейчас прозвучало «после ухода из клиники».

— Свидетель ответила, — оборвал судья. — Не давите на неё.

Адвокат закрыл рот, но не сел.

— Прошу внести вопрос и ответ в протокол. И наше требование независимого обследования, а не справок, выданных клиникой, которой руководит истец.

— Садитесь. Решение по ходатайствам будет принято.

Я поднялась.

— Ваша честь, я могу просто позвонить Соне сегодня? — спросила я. — Пять минут. Сказать, что люблю её. Больше ничего.

Судья перевернул страницу. Адвокат Дмитрия уже говорил о том, как звонки «усиливают тревожность ребёнка». Я всё ещё стояла, ожидая ответа про пять минут, пока мой ад-

вокат не потянул меня за рукав: перерыв.

Я вышла в коридор вслед за ним, прижимая к груди папку с договором аренды. Хотелось прислониться к стене и закрыть глаза, но адвокат уже говорил мне о процедуре, и я заставляла себя слушать, хотя думала только о том, что Соня сейчас где-то без меня.

Перерыв длился двадцать минут. В коридоре суда было душно. Марина вышла к нам первой, прижимая телефон к уху, изображая занятость. Она прошла мимо меня, даже не взглянув. Затем она вернулась в зал, когда все уже уселись.

— Ваша честь, прошу учесть условия жизни ребенка сейчас, — сказала она сладким голосом. — Дмитрий обеспечивает Соне лучшую школу, лучшего психолога, лучшее питание. Посмотрите эти фото.

На экран проектора вывели снимки. Соня в новом платье, которое я шила ей на праздник дня рождения. Оно было синим, с кружевными рукавами. На другом снимке Марина держала это же платье перед собой за плечики, демонстрируя размер. На следующем фото Соня улыбалась в новой дорогой школе, но глаза были пустыми, стеклянными.

На крупном плане были видны кружевные рукава. Я пришивала их по ночам, когда Соня спала. Марина держала платье как собственную покупку, и ни один человек в зале об этом не знал.

— Это мое платье! — выкрикнула я, вскакивая с места. — Ты украла вещи из дома! Ты рылась в моих шкафах, пока

я была в клинике! Верни это немедленно, шлюха!

Марина удивленно прижала руку к груди, делая вид, что испугана.

— Алиса, пожалуйста, не устраивайте истерику при ребенке... хотя ее тут нет, но представьте, если бы она была здесь...

— Тише! — гаркнул судья. — Ответчица, ваш выход из себя окончательно подтверждает тезис защиты о неадекватности. Вы удалены из процесса до следующего заседания.

Пришлось выйти из зала. На пороге я оглянулась: мой адвокат остался у стола.

— Прошу приобщить письменные возражения и не разрешать вопрос о встречах до проверки справок, — услышала я.

Дмитрий что-то сказал своему адвокату и усмехнулся. Дверь закрылась. Дальше они разбирались без меня. Я пошла по коридору, держась за ремень сумки.

В дверях кабинета судьи меня ждал Дмитрий. Он курил электронную сигарету, выпуская сладковатый пар. Лицо его было расслабленным, довольным.

— Зачем ты это делаешь? — прошептала я, чувствуя вкус крови на губах, потому что прикусила их до боли.

— Деньги решают всё, Алиса, — он улыбнулся, показывая белые зубы. — Те справки о здоровье Сони, которые я предоставил? Фальшивые. Но ты не сможешь это доказать. У тебя нет ресурсов. Давай сделаем так: ты подписываешь отказ от претензий на имущество и соглашаешься на редкие

встречи раз в месяц. В обмен я закрою глаза на твои долги перед клиникой. Тихо. Без скандалов.

Он протянул мне визитку. Я посмотрела на него. Только что он убеждал судью, что заботится о Соне, а теперь сам признавался в подделке справок. Сладковатый пар ударил в лицо; меня замутило.

— Нет, — сказала я твердо. — Я требую независимую экспертизу психики Сони. Прямо сейчас.

Дмитрий рассмеялся коротко, сухо.

— Как хочешь. Но знай: теперь ты играешь в мои игры. И правила изменились.

Он развернулся и ушел. Через час мой адвокат вынес копию определения: ходатайство адвоката Дмитрия об ограничении доступа матери к ребенку до окончания основного разбирательства удовлетворено. Основание — риск психологической травмы от конфликтов родителей. Меня лишили права видеть дочь.

— Это будем обжаловать, — сказал адвокат. — Возражения у нас есть. Вам сейчас надо...

— Я просила пять минут.

Он замолчал. Я перечитала строчку, потом ещё раз: до окончания разбирательства. Когда оно закончится, никто мне не сказал.

Глава 3

Я вышла из здания суда в серую московскую осень. Дождь моросил, смешиваясь с грязью на асфальте. Я стояла у бордюра, чувствуя, как холод пробирается сквозь тонкую куртку. Вода с бордюра затекала в туфли. У Сони, наверное, уже закончились уроки. Раньше в это время я спрашивала, что ей задали, а теперь даже набрать её номер не могла.

Черный внедорожник остановился прямо перед моими ногами. Стекло опустилось бесшумно. Артур Гельман смотрел на меня сверху вниз. Он разглядывал моё лицо, потом сумку, которую я прижимала к себе. Пока я искала хоть какие-то слова, он ждал.

— Ты проиграла, — сказал он тихо. Не сочувствуя. Констатируя факт.

— Я знаю, — прошептала я, обнимая себя руками.

— Плохой матерью тебя сделали на бумаге, Алиса. Ты пыталась объяснить, а они подсовывали судье новые справки. Ты отвечала на них, и так до самого конца. Теперь попробуем по-моему.

Он достал планшет с пассажирского сиденья. На экране было видео. Няня Валентина и Марина в каком-то дорогом ресторане. Голос няни был отчетливым: «Пятьдесят тысяч за показания. И я должна сказать, что она кричала. Именно так?»

Моя кровь застыла в жилах.

— Откуда это?

— Прислали, пока тебя выводили из зала. Источник отдаст оригинал, если обеспечим ему защиту, — Артур закрыл планшет. — Одним роликом решение не отменишь. Понадобятся показания и жалоба. Этим займётся мой юрист. А ты перестань просить у Дмитрия справедливости.

— Запись я получу? Или буду каждый раз просить у тебя посмотреть?

— Получишь. Вместе с контактом юриста.

Телефон завибрировал: пришла ссылка на файл. Только тогда я опустила руку, которой уже собиралась вырвать у него планшет. Артур действовал быстро и говорил так, будто я уже согласилась. Благодарить его раньше времени не хотелось.

Артур вышел из машины, открыл дверцу пассажирского сиденья и положил планшет назад. На нем оставил визитку.

— Если захочешь играть по-крупному, позвони.

Я взяла карточку, зажав её между пальцами. Из салона пахло кожей и табаком. Планшет лежал на сиденье, совсем близко. Там была запись, которую мне не дали показать судье. Я задержала дыхание. В этом салоне не пахло ни судом, ни коммуналкой; от этого стало ещё обиднее.

— Садись, Алиса. Обсудим жалобу. До тёти довезу — сегодня ты уже достаточно прошла пешком.

Я посмотрела на визитку между холодными, дрожащими

пальцами. На обороте был номер. Я провела по нему большим пальцем. Дома тётя Вера спросит про Соню. Что я ей отвечу? Передо мной оставалась открытая дверца, а Артур не торопился уезжать.

Я сделала шаг. И села.

Мы доехали до дома тети Веры молча. Артур остановился у подъезда, дождался, пока я выйду, и только когда тяжёлая дверь общего коридора захлопнулась у меня за спиной, я поняла, что всю дорогу сжимала в пальцах его визитку.

Запах вареной капусты въелся в обои, в подушку, в одежду. Тетя Вера храпела за стеной, тонко и надсадно, как сломанная скрипка. Я лежала на койке с пружинами, которые впивались в спину холодными пальцами, и смотрела в потолок. Там расползалось пятно от протечки. Даже в темноте я уже знала все его края: который вечер лежала без сна.

В дверь постучали. Не громко, а требовательно, ритмично. Три удара. Пауза. Три удара.

Я поднялась, босые ноги обожгло ледяным линолеумом. Открыла. На пороге стоял курьер в черной форме, держа коробку без маркировки.

— Для Алисы Соколовой?

Сердце екнуло. Дмитрий снова распорядился за меня — даже курьеру дал его фамилию, хотя на работе я оставалась Воронцовой.

Я забрала посылку. Внутри лежала моя рабочая форма из «Генезиса». Белый халат, идеально отглаженный, пах чужим

парфюмом. Под ним — сложенная вдвое записка на плотной бумаге: «Не пытайся звонить в клинику. Твой номер заблокирован в базе. С любовью, Д.»

«С любовью». Я перечитала подпись. В коробке даже плечиков не было: пусть бывшая совладелица сама ищет, куда повесить халат в чужой комнате. Я скомкала записку и швырнула в угол. Халат повесила на спинку стула. Воротник лёг складкой; я машинально расправила его и тут же одёрнула себя. Больше мне не надо было готовить форму к смене.

Сон пришёл только под утро — тяжёлый, без снов. Разбудила меня не тревога, а привычка: пора вставать и ехать на смену. Смены больше не было, но тело об этом ещё не знало, и я лежала с открытыми глазами, пока за стеной не хлопнула дверь и не заскрипел кран.

Утро началось с воды. Кран в кухне общего пользования тек ржавыми струйками. Я несла ведро к кухонному крану, надеясь, что, если спустить воду, ржавчина уйдет. Через руку перекинула присланный халат: хотелось смыть с него чужой запах. Фильтр тети Веры давно сдох. В коридоре толклась Лена — медсестра, которая полгода назад носила мне кофе и жаловалась на жизнь. После увольнения она ни разу мне не позвонила. Зато слухи из клиники принести не забыла.

Она увидела меня. Глаза блеснули злорадным любопытством.

— О, Алиса Сергеевна! Или уже Соколова? Как вы тут? А мы в клинике все переживаем, говорят, у вас нервный срыв

был. Вы же теперь никто, да? Просто соседка тети Веры.

Соседи открыли двери. Кто-то хихикнул.

— Иди домой, Лена, — тихо сказала я, опуская глаза.

Но Лена не ушла. Она сделала шаг навстречу, демонстративно поправляя прическу, и плечом толкнула меня к стене. Пустое ведро ударило по другому, оставленному у мусоропровода.

Звук был глухим и мерзким. Чужие помои плеснули на пол и на халат, перекинутый через мою руку. Грязная жижа растеклась по белой ткани темным пятном.

Лена расхохоталась.

— Ай, простите! Уши горят, значит, кто-то вспоминает. А ты всё там же, в грязи, Алиса? Ничего личного, просто порядок в доме должен быть.

Я стояла, чувствуя, как липкая жидкость просачивается сквозь халат на голое запястье. Стыд был физическим, тяжелым камнем в горле. Хотелось закричать, ударить, разбить ей лицо. Вместо этого я подняла свое ведро, стиснула грязный халат и ушла в свою комнату. За дверью слышался еще один смех.

Я просидела на кровати несколько часов, не зажигая свет. Стыд горел медленно и глухо. Я заставляла себя не думать о клинике, о Лене, о Дмитрии — считала пружины матраса сквозь ткань, чтобы голова занялась чем-нибудь простым и ровным.

К вечеру голод стал яснее мыслей. Карты арестованы. На-

личные кончились после оплаты аренды у тети Веры. Мне нужно было есть. И интернет — единственная ниточка, связывающая меня с миром, где я когда-то была генетиком.

Я достала из тайника золотое кольцо. Мать дарила его на выпускной. В развернутом платке оно блеснуло, как на маминой ладони в день выпускного.

Ломбард на углу выглядел как пасть зверя: красная неоновая вывеска «Быстрые деньги» и решетчатые окна. Внутри пахло потом и дешевым табаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.